
ИЗУЧЕНИЕ ЭЗОТЕРИЗМА В РОССИИ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы секции «Академическое изучение эзотеризма»
Третьего конгресса российских исследователей религии
(Владимирский государственный университет, 8 октября 2016 г.)

Серия «Ариадна»

Научные исследования эзотеризма и мистицизма

Выпуск 3

Эдитус
Москва, 2017

Редколлегия серии:

С. А. Панин (председатель), Ю. Ю. Завгородний, Б. Менцель,
Ю. Ф. Родиченков, С. В. Пахомов, Ю. Л. Халтурин

Изучение эзотеризма в России: актуальные проблемы. Материалы секции «Академическое изучение эзотеризма» Третьего конгресса российских исследователей религии. Владимирский государственный университет, 8 октября 2016 г. / Ред. С. А. Панин. / Серия «Ариадна» (Научные исследования эзотеризма и мистицизма. Вып. 3). – М.: Эдитус, 2017.

Russian Studies of Esotericism. Proceedings of a Session “Academic Study of Esotericism” of the 3rd Congress of Russian Scholars of Religion. Vladimir State University, October 8, 2016 / Ed. by Stanislav Panin / “Ariadne” Book Series (Academic Studies of Esotericism and Mysticism. Issue 3). – Moscow: Editus, 2017.

Сборник включает статьи, подготовленные на основе докладов секции «Академическое изучение эзотеризма», организованной в рамках Третьего конгресса российских исследователей религии при участии Ассоциации исследователей эзотеризма и мистицизма. Статьи затрагивают широкий круг вопросов изучения эзотеризма и адресованы как специалистам, так и всем, интересующимся данной темой.

В оформлении обложки использованы фрагменты гравюры Г. Доре из серии «Божественная комедия» (1861-1869).

ОГЛАВЛЕНИЕ

INTRODUCTION	5
«АЛХИМИЧЕСКИЙ СЛУЖЕБНИК» ТОМАСА НОРТОНА: ТРАДИЦИЯ И СВЕРХЗАДАЧА <i>Родиченков Юрий Федорович</i>	12
АЛХИМИЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ОТ ТЕКСТА К ИКОНОГРАФИИ <i>Зотов Сергей Олегович</i>	33
МАСОНСКИЕ И ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РЕЛИГИОЗНОЙ МИФОЛОГИИ МОРМОНОВ <i>Нутрихин Роман Владимирович</i>	37
ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СПИРИТУАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ <i>Раздьяконов Владислав Станиславович</i>	52
АТЛАНТИДА И ГИПЕРБОРЕЯ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭЗОТЕРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА <i>Шахматова Елена Васильевна</i>	67
МИФ ОБ АТЛАНТИДЕ ЗАПАДНОГО ЭЗОТЕРИЗМА В «АТЛАНТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГЕМЕ» РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ <i>Рычков Александр Леонидович</i>	77
ПРАВОСЛАВИЕ И ЭЗОТЕРИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ <i>Панин Станислав Александрович</i>	113
СОВЕТСКИЙ ЭЗОТЕРИЗМ: КРУЖОК ЮЖИНСКОГО ПЕРЕУЛКА И ДРУГИЕ ГРУППЫ <i>Елагин Сергей Сергеевич</i>	124
АРХИТЕКТОНИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МАСОНСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ <i>Кузьмишин Евгений Леонидович</i>	131

МИФ ОБ АТЛАНТИДЕ ЗАПАДНОГО ЭЗОТЕРИЗМА В «АТЛАНТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГЕМЕ» РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ

Рычков Александр Леонидович

старший научный сотрудник БИЛ им. М.И. Рудомино

*По всей земле идет преемственность
от древних начальных цивилизаций,
а «самая ранняя» древность, вероятнее всего,
должна была опираться на древность Атлантиды.
(В. Брюсов)*

Касаясь истории русского восприятия мифов об Атлантиде, в работах о Серебряном веке часто вскользь упоминаются имена веровавших в ее существование русских символистов: Брюсова и Мережковского, реже – Вяч. Иванова. Однако более внимательный комплексный обзор, соотносящий взгляды символистов и их творческого окружения на означенную проблему (за исключением В. Я. Брюсова и Д. С. Мережковского), до настоящего времени отсутствует. Также не исследована включенность этих взглядов в европейскую эзотерическую традицию. В этой связи, автор счел актуальным представить краткий экскурс в означенную тему, сопоставив в нем взгляды на Атлантиду символистов и их ближайшего творческого окружения, и сопроводив его библиографическим обзором публикаций современных исследователей сюжета Атлантиды у отдельных персоналий русского символизма. В заключение анализируются религиозно-философские и историософские параллели выделенной в исследовании «атлантической мифологемы» русских символистов с представлениями об Атлантиде в западном эзотеризме. Поскольку, как отмечает один из ведущих исследователей феномена В. Ханegraaf: «Рассказы о потерянных континентах и древних цивилизациях, которые были выше

наших и в духовных и в технологических знаниях, относятся к арсеналу западного оккультизма. В частности, современная теософия и антропософия, совмещающая традиционалистскую историю и теории о цивилизациях Атлантиды, Лемурии и Му, предоставляют им центральное место в своем видении истории» [Hanegraaff, 1996, p. 309].

Семиотические и археологические предпосылки становления мифологемы

Если тему Атлантиды в череде работ мыслителей и художников Серебряного века открывают *географические* комментарии философа В. Розанова [Розанов, 1901], то подход ведущих символистов к мифологическому и иконографическому наследию исчезнувших цивилизаций точнее всего можно охарактеризовать как *семиотический*. И для этого у них имелись все наиболее современные на тот момент методологические основания. Так, до отъезда в Петербург в 1905 году, Вяч. Иванов был учеником основателя семиологии и современной лингвистики Ф. де Соссюра, сохранилось свидетельствующее о дружеских отношениях и совместных интересах письмо Ф. де Соссюра к Вяч. Иванову [Ziffer, 1994, s. 189–191]. А. Белый и П. Флоренский сами являются далеко заглянувшими в будущее науки теоретиками семиотических техник анализа текстов, герменевтики символа и символического, привлечения метанарратива древних культур и выявления в них общих и архетипических знаковых структур для включения их в сами основания творчества и культурную семиосферу русского символизма, что позволяет провести очевидные параллели с зарождавшейся в те же годы архетипической глубинной психологией (причем, не без участия представителей круга символизма [Титаренко, 2012, с. 476–494])²⁴. Вкладу символистов в семиотику и языкознание посвящены специальные исследования (см., напр. [Почепцов, 1998]. «Новое» символизма, согласно А. Белому, есть «попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: <...> в подавляющем обилии старого – новизна так называемого символизма» [Белый, 1994б, с. 26]. Историк семиотики Г. Г. Почепцов так поясняет эту символистскую максиму: «А. Белый реально проникает дальше существующих на тот момент методологий <...> Перед нами как бы иной тип переживания действительности, который требует для ее пони-

²⁴ Руководитель символистского издательства «Мусагет» Э.К. Метнер стал после революции, как известно, доверенным лицом и переводчиком трудов К.Г. Юнга, а также председателем Психоаналитического клуба в Цюрихе. См.: [Титаренко, 2012, с. 476–494; Рычков, 2010, с. 491–511].

мания большей теоретичности» [Почепцов, 1998, с. 48, 50]. Комментарий этот, вероятно, может быть также отнесен и к разработанной Вяч. Ивановым гиперборейской составляющей атлантической мифологемы символизма, о которой пойдет речь далее.

Символисты обратили внимание на мифологические, культовые и иные элементы сходства у древних культур Средиземноморья, Америки и Африки, которые предполагали наличие существовавшего некогда сообщения между ними. Они отнесли такую возможность к рано развившейся цивилизации, описанной Платоном как Атлантида, и проводившей колониальную экспансию. Тем более, что археологические открытия начала XX в. в средиземноморских странах, как казалось тогда, давали новые основания для подтверждения реальности Атлантиды. Предпринятые с 1900 года британским археологом Артуром Эвансом (1851–1941) сенсационные масштабные раскопки Кносского дворца II тысячелетия до н.э. на Крите открыли миру неизвестную великую цивилизацию древности, уже для Гомера бывшую тысячелетней легендой. Эванс назвал ее «минойской» и доказал, что Крит являлся политическим и культурным центром всего Эгейского мира, общая культура которого с этих пор была поименована «эгейской» или «крито-микенской». Становление эгейской культуры (ок. 3400–1100 гг. до н.э.) относится к энеолиту, и уже на ее базе зарождается ранняя эллинская культура, что сделало многих символистов страстными «эгейцами» (Вяч. Иванов, М. Волошин, В. Брюсов). Подтверждение упомянутого Геродотом сказания о полном господстве в древнем Средиземноморье критского флота, подчинявшего Криту даже весьма отдаленные земли, лишь «подливало масло в огонь» гипотез: 1) о критской колонии Атлантиды, дольше других сохранявшей наследие прошлого; 2) былой мощи атлантических кораблей, позволивших Атлантиде обрести дальние колонии.

Символисты в поисках Атлантиды

В 1909 г. А. Эванс опубликовал комментированный каталог каменных печатей и иных критских документов «*Scripta Minoa, I*» [Evans, 1909]. В том же году М. Волошин пишет в отзыве на картину Бакста «Теггог Antiqu[u]s» о гибели Атлантиды [Волошин 1909]: «XX веку, первый год которого совпал с началом раскопок Эванса на Крите, кажется, суждено переступить последние грани нашего замкнутого круга истории, заглянуть уже по ту сторону звездной архаической ночи и увидеть багровый закат Атлантиды <...> Баксту ближе всего <...> закат предшествовавшего дня, догоревший в Критской культуре», – говорит далее Волошин, поскольку,

по его убеждению, Крит являлся одной из уцелевших колоний Атлантиды. Поэтому, с открытия Эвансом Кносского дворца на Крите: «первая связь между сокровенным преданием и исторической достоверностью положена, первая осязаемость о существовании Атлантиды зажата в нашей руке. Но не научная доказательность важна была для искусства в этих археологических открытиях: они создали новые разбеги для мечты и для догадки» [Волошин, 2007, с. 115-116]. И такие «мечты и догадки» в обилии появляются как в литературном творчестве, так и теоретических работах символистов и их круга. В 1912 году Волошин писал в поэтическом «Напутствии Бальмонту», отправляющемуся в кругосветный круиз:

*Чтоб подслушать древние обиды
В жалобах тоскующей волны,
Ты уж спал на мелях Атлантиды. <...>
Где вставала ночь времен немая,
Ты раздвинул яркий горизонт.
Лемурия... Атлантида... Майя...
Ты – пловец пучин времен, Бальмонт!*

С посланием М. Волошина перекликается и написанное ранее В. Брюсовым в Париже посвящение «К. Д. Бальмонту» (1909):

*Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,
Вдали от наших стран, искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,
Какие тайны спят во тьме твоих зрачков <...>
Но чтобы выразить, что в этом лике ново,
Ни ты, ни я, никто еще не знает слова!*

В поэтических очерках путешествий по Мексике «Змеиные цветы» (1910) неуемный путешественник К. Д. Бальмонт, которого Брюсов метко нарек «искателем Атлантиды» [ЛН 98:1, с. 74], в мифах мексиканских индейцев находит свидетельства влияния культуры атлантов. Мысленно обращаясь к Брюсову, Бальмонт пишет о «тайне, которая связывает уловимой, но зыбкой связью в одной мистерии такие различные страны, как Египет, Вавилон, Индия, и эта неразгаданная Майя. Думаешь о погибшей Атлантиде, бывшей очагом и колыбелью совсем различных мировых цивилизаций. Чувствуешь, что без Атлантиды невозможно понять и объяснить огромного числа явлений из области космогонических помыслов и созданий ваяния, живописи и строительного искусства. Слишком красноречивы сходства и тождества» [Бальмонт, 1910, с. 41]. Как мы видим, в «Змеиных

цветах» мексиканцы видятся Бальмонту лишь одними из наследников атлантов, но сама Атлантида относится им за Северную Америку.

Адресату Бальмонта – символисту В. Я. Брюсову – другой преемницей Атлантиды виделась Западная Африка («Учители учителей», 1917), где, по его мнению: «были расположены колонии Атлантиды» [Рихтер, 1975, с. 182]. Историк по образованию, Брюсов «был убежденный “атлантолог”, не допускавший даже возможности сомнений в существовании Атлантиды» [Рихтер, 1975, с. 181], и даже планировал археологическую экспедицию в суданскую Тимбукту пустыни Сахара: «По мнению Валерия Яковлевича, здесь были расположены колонии Атлантиды и была надежда найти какие-то следы поселений и остатки культуры атлантов. Война 1914–1918 гг. помешала осуществить это намерение» [Рихтер, 1975, с. 182]. По свидетельству племянника В. Я. Брюсова Н. Рихтера: «Сомневаться в существовании Атлантиды, по его мнению, мог только человек, недостаточно в этом вопросе эрудированный или совершенно не разбирающийся в истории древнего мира» [Рихтер, 1975, с. 181]. В кругу близких Брюсов с неопровержимой логикой и страстью доказывал: «Если допустить, что Атлантида существовала только в фантазии Платона, то каким образом можно объяснить все те научные открытия, которые подтверждают ее существование. <...> Общность культур майя в Мексике, египетской в долине Нила, Вавилонской и т. д. Это – нити одной цепи и они не могут быть случайны; в них общность и закономерность в каждом звене, в каждом ‘орнаменте’, в каждом числе, в каждом сохранившемся камне и обычае <...> Существование Атлантиды подтверждается столькими фактами, наличием стольких ярко выраженных дочерних культур, что отрицать Атлантиду – значит отрицать культуру египетскую, мексиканскую, эгейскую и т. д.» [Рихтер, 1975, с. 181]. Эта убежденность в преемственности древней мудрости погибшей цивилизации «в каждом звене» культур проступает в поэзии Брюсова: «От дней Атлантиды / Несут откровенья до нас яфетиды» («ЗСФСР», 1924). О полученной от Атлантиды египетской мудрости Брюсов писал в венке сонетов «Светоч мысли»:

*Египет цели благодной достиг,
Хранят поныне плиты пирамиды
Живой завет погибшей Атлантиды.*

Перу Брюсова принадлежит целый ряд стихотворений на тему Атлантиды («Город вод» и др.), неоконченная поэма (1897)²⁵, драматический этюд «Пифагорейцы», венок сонетов «Светоч мысли» и трагедия «Гибель Атлантиды». Но особенно важный след в культуре и становлении русской

²⁵ Брюсов В.Я. Атлантида планы, проспекты // НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 50. Ед. хр. 9. 86 л.; Атлантида. Стихотворения в тетради // РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 16. 41 л.

атлантологии оставила серия статей В. Я. Брюсова «Учители учителей», впервые опубликованных в журнале М. Горького «Летопись» с 5-го по 12-й номер за 1917 год.

Брюсову как атлантологу справедливо посвящен ряд специальных исследований [Ларцев, 1964; Нефедьев, 2010; Воронин, 2011]. Действительно, для подготовки своей обзорно-аналитической работы об Атлантиде, начатой в 1914 году, Брюсов выписывал книги со всего мира. В итоге, статьи Брюсова содержат обширный обзор современных ему научных (археологических, этнографических, географических, исторических и др.) и эзотерических представлений об Атлантиде. Брюсов пишет «Учители учителей» как профессиональный историк и («по закону жанра») не включает труды эзотериков в число рассматриваемых источников. Однако, он дает им краткий обзор, отмечая общую черту между сочинениями мистиков, в том числе теософскими²⁶, и чисто научными: «все они <...> исходят из литературного предания. Историки, археологи, антропологи, естествоиспытатели, философы, мистики и публицисты, в литературах всего мира <...> комбинировали скудные сведения, содержащиеся в двух диалогах Платона, и немногие намеки <...> из других писателей». Чтобы решение вопроса подвинулось вперед, по Брюсову, необходимы новые научные и археологические факты из доантичной истории, которые начали оказываться в распоряжении науки лишь с конца XIX века. В итоге обзора Брюсову кажется несомненным, что «на прагреческой культуре лежит печать зрелости, свидетельствуя о влиянии иного высококультурного народа, прошедшего грань расцвета и клонящегося к упадку», и что давший начала европейской культуре античный мир, в свою очередь, покоится на мире «ранней древности», а та «опирается, как на свою базу, на древность Атлантиды, которая, как мудрый учитель, наставила все народы земли, дав им зачатки наук и художеств. Мы учились у античности, античность у ранней древности, ранняя древность – у Атлантиды. Таинственные, поныне полумифические, атланты были учителем наших учителей, и им мы вполне вправе присвоить ответственное наименование: “учители учителей”».

Мировой оккультный заговор атлантов у Андрея Белого

Неразрывную преемственность современной истории с Атлантидой А. Белый иллюстрирует в романе «Петербург», где во сне о Страшном

26 Для теософов и антропософов атланты были первой человеческой и земной «расой», но еще частично сохраняли духопонимание предшествовавших им более божественных рас, породив истоки легенды о «падших ангелах».

Суде герою открываются его предыдущие воплощения и в первом из них он видит себя Атлантом, переживающим гибель Атлантиды. По мнению Г. Нефедьева: «в романах А. Белого “Петербург” и “Москва” прослеживается сюжетный подтекст мирового оккультного заговора и провокации, подготовляемого реинкарнированными из далекого прошлого атлантами» [Нефедьев, 2003, с. 230; 2005]. «В “Петербурге”, и в “Москве” прослеживается единый эзотерический исток мирового оккультного заговора и провокации, уходящий в глубокую древность человечества. И исток этот А. Белый, опираясь на весьма специфическое, свое толкование учения Штейнера, видит в Атлантиде, в ее определенных подрасах, аккумулирующих в себе отрицательную семантику “восточной опасности”» [Нефедьев, 2003, с. 230]. Действительно, А. Белый в романе «Москва» называет персонажа-преследователя Мандро «Атлантом» и поясняет это в письме к Иванову-Разумнику: «“Древнее воплощение” д-ра Доннера, губящего сквозь Мандро, – “мексиканский жрец”; и сознание связало их с темой Атлантиды; тут – сплетение фабулы с антропософией» [Белый, 1998, с. 427]. Мандро вспоминается: «Сон об Атланте, не раз уже снившийся, но забывшийся в миг пробуждения; драма “Земля” оттого привлекала, что в ней узнавал эпизоды он сна своего; оттого и запомнилось имя – “Тлаватль”. Имена мексиканские!». Г. В. Нефедьев объясняет значение этого имени у А. Белого: «Несуществующий “Тлаватль” из драмы “Земля” <В. Брюсова>²⁷ в романе Белого также ведет свое происхождение из Атлантиды (а точнее из учения Штейнера), как и “туранец” в “Петербурге”, представляя собой одноименную вторую подрасу атлантов» [Нефедьев, 2005, с. 200]. Н.Г. Шарапенкова развивает наблюдение Нефедьева: «Тлаватли (согласно учению Р. Штейнера) – представители эпохи второй подрасы. Внутри расы атлантов, предшествующей нынешней, арийской, выделяется семь подрас. Их принято называть: 1. Рмоахалы. 2. Тлаватли. 3. Толтеки. 4. Пратуранцы <...> эти имена-«маски», с одной стороны, создают inferнальный ореол Мандро-Домардэну, но, с другой, обезличивают его, нивелируют, превращают лишь в орудие некой сверхчеловеческой силы (Аримана, Минотавра, ацтекского жреца, доктора Доннера). В имени героя сокрыта его мифолого-ритуальная функция: Мандро (Мандлоппль) нужен Коробкину (а не наоборот!). После перенесенного ослепления ученый перерождается, открывает для себя духовные законы мира и Космоса» [Шарапенкова, 2011].

27 «В архиве В. Брюсова сохранилась незавершенная трагедия в пяти действиях – “Гибель Атлантиды” (НИОР РГБ. Ф. 386. К. 30. Ед. хр. 12), относящаяся к 1910-м годам. Среди ее действующих лиц присутствуют толтеки и туранцы, – т.е. третья и четвертая подрасы атлантов, что позволяет уверенно говорить о знании Брюсовым и второй подрасы – тлаватлей» [Нефедьев, 2005, с. 204].

***Эзотерические первоисточники атлантической
мифологии символизма как методологическое
основание для ее исследователя***

Исследователями осталось не поясненным, почему именно мексиканские имена выбирают для наследников-инкарнаций атлантов В. Брюсов и А. Белый (и другие символисты). Дело в том, что в 1900 году Огюстом Ле-Плонжоном (Augustus Le Plongeon) был издан комментированный перевод «Кодекса Троано» индейцев майя, повествующим о гибели континента Му, отождествлявшимся переводчиком с Атлантидой или Лемурией. Этот популярный среди теософов перевод, как показали дальнейшие исследования, оказался полностью ошибочным. Однако, отнесение культуры майя в Мексике к остаткам одной из колоний атлантов, сохранившей в преданиях их тайные знания, несомненно повлияло и на Р. Штейнера, и на выбор символических имен Брюсовым и Белым. На перевод Ле-Плонжона в своих путешествиях по Мексике в поисках сохранившихся у индейцев мифов об Атлантиде опирался и К. Бальмонт, упоминая, в частности, «американского писателя Ле-Пленжона» как «сделавшего чрезвычайно ценные раскопки в Уксмале и Чичен-Итца, где мне приходилось говорить о нем с туземцами» [Бальмонт, 1908]. На Ле-Плонжона также ссылается М. Волошин в комментариях к картине Бакста: «если верить доказательству Плонжеона, исследователя памятников мексиканских майи, то нет ни одного образованного европейца, который бы не знал наизусть и не повторял рассказ о гибели Атлантиды, не зная и не понимая в то же время смысла звуков, им произносимых» [Волошин 2003, с. 254].

Другим первоисточником как для Р. Штайнера, так и русских символистов, была книга Уильяма Скотта-Эллиота «История Атлантиды» (Лондон, 1896, перевод на французский – 1901), раскрывающая применительно к истории Атлантиды эзотерический антропогенез коренных рас, изложенный в книге Е. П. Блаватской «Тайная доктрина» (1888). Согласно Скотт-Эллиоту, которого теософы считали «астральным ясновидцем»²⁸, Атлантида имела миллионлетнюю историю и некогда занимала большую часть Атлантического океана, соединяя Африку и Северную Америку, пока череда катаклизмов не привела, в итоге, к ее погружению в океан в X тысячелетии до н.э. Как свидетельство оккультных преданий, его книга послужила, вероятно, одним из оснований внимания символистов к атлантическим артефактам в Африке и у индейцев майя. Так, по Скотт-Эллиоту, подра-

²⁸ Сам У. Скотт-Эллиот утверждал, что поскольку происходящие в мире глобальные события оставляют астральный след, они «вспоминаемы» путем «психометрии», с помощью которой к нему и пришли описания жизни атлантов.

са толтеков, царствовавшая на всем материке Атлантиды в продолжение нескольких тысячелетий: «обладала такой жизненной силой, что последующие скрещивания ее с подрасами не изменили ее типа, сохраняя в главных чертах тип толтеков, и через несколько тысячелетий мы находим один из самых древних родов этой расы с блеском царствующей в Мексике и Перу в течение целых столетий» [Скотт-Эллиот, 1916, гл. 4]. Таким образом, обращение к праистории Мексики и «мексиканским именам», отсылающим к подрасам атлантов, в своих произведениях символисты в большинстве случаев выводили не только и не столько из работ Р. Штейнера, сколько из общих для них первоисточников – теософских комментариев Блаватской, трудов близкого к теософам Скотт-Эллиота (после «Истории Атлантиды» написавшего не менее капитальный труд по истории Лемурии) и Ле-Плонжона (позднее к ним прибавится соединившая в единую картину историко-географические описания Атлантиды Скотт-Эллиота с психологическими портретами рас атлантов Р. Штейнера книга Э. Шюре «Божественная эволюция»), а также некоторые свидетельства в диалогах Платона. Так, к «мексиканской теме» можно отнести упомянутую Платоном в диалоге «Критий» круговую планировку столицы Атлантиды, с концентрическими окружностями стен и каналов, которую сопоставляли с планировкой ацтекского города-государства Теночтитлана (сегодня мы скорее вспомнили бы в этой связи древний Аркаим и всю проиндоевропейскую «Страну городов» II тысячелетия до н.э. на Южном Урале). В Мексиканской пирамиде Солнца в Теотиуакане видели отголоски преданий о храмовой архитектуре Атлантиды. Так, в написанных после возвращения в 1910 году из Египта эссе, объединенных впоследствии в книгу «Край Озириса», К. Бальмонт, указывая на солнцепоклоннический характер пирамид, обращенных к небу, выводил их идею и сакральное значение из культа Солнечного единобожия атлантов: «Пирамиды, в которых обманно видят лишь гробницы, <...> являют взнесенность души к Солнцу <...> Молитвенный храмовой характер пирамиды совершенно очевиден в Американских колониях Атлантиды, в Мексике и Майе. В Теотиуакане, в Мексиканской пирамиде Солнца, столь же величественной, как пирамида Хеопса, равно как в пирамиде Луны, и в пирамиде Вечерней Звезды, уходящее ввысь построение кончается часовней. То же и в пределах Юкатанского полуострова, в пирамиде Уксмаля. Мексиканская и Майская пирамида – усеченная, верхушка ее есть горница молитвы, храмовой характер ее очевиден. Представители Африканской колонии Атлантиды, Египтяне, любили скрывать свои замыслы и закутывать их тайной возможно более» [Бальмонт, 2010, с. 29, 65]. Поэтому в заметках и стихах К. Бальмонта о Мексике «Поэзия сти-

хий», нашедших отражение в творчестве символистов, пирамиды – «ковчег Атлантов» [Бальмонт, 2010, с. 513]:

*В глубоких безднах Океана – дворцы погибшей Атлантиды,
За сном потопа – вновь под Солнцем, ковчег Атлантов, Пирамиды.*

Учитывая последовательное становление представлений об Атлантиде в кругу русских символистов первого десятилетия XX века и рассмотренные выше литературные источники этих представлений – методологически некорректно выводить метафоризм атлантических маркеров и «имен мексиканских» в творчестве символистов (и даже близкого антропософии А. Белого) исключительно из аллюзий на учение Р. Штейнера, как это делает Н.Г. Шарапенкова [Шарапенкова, 2011], или однозначно утверждать, что «несуществующий “Тлаватль” из драмы “Земля” <В. Брюсова – АР> в романе Белого также ведет свое происхождение из Атлантиды (а точнее из учения Штейнера)» [Нефедьев, 2005, с. 200]. Более приемлемо, вероятно, предлагаемое далее Н. Г. Нефедьевым понятие о «теософско-антропософском значении» метафор и имен из Атлантиды у В. Брюсова, которое может быть распространено на символистов и околосимволистский круг (М. Волошин и др.) в целом. При этом следует учитывать, что нередко «мексиканские» имена подрас атлантов появляются в произведениях русского символизма ранее возникновения антропософии. К примеру, поэтический отклик на яркие образы и описания страны атлантов в главах «Происхождение и распределение на Земле различных подрас» и «Город золотых ворот» книги Скотт-Эллиота был опубликован К. Бальмонтом до возникновения антропософии в 1904 году в журнале «Новый путь» (№ 12. С. 18–19) в одноименном с главой книги Скотт-Эллиота стихотворении «Город Золотых Ворот» (упоминаемых также в диалоге Платона «Критий» для столицы острова Посейдонис, оставшегося от Атлантиды). Здесь Бальмонт (не раз вспоминая и в других произведениях «красу Атлантиды – город Золотых Ворот») упоминает последовательно населявшие Атлантиду, согласно Скотт-Эллиоту, подрасы рмоагалей и толтеков:

*Оттого само их имя – золото и сталь,
Имя гордое Атланта – Тольтек, Рмоагаль. <...>
Вход Огнем обозначался в древний Город Вод,
Что иначе звался – Город Золотых Ворот.*

В любом случае, остается несомненной та большая роль в формировании убеждений символистов о существовании Атлантиды, которую сыграла теософская и антропософская историософия, включающая представления о цепи коренных рас – Полярной, Гиперборейской и Лемурийской

эпохах – и преображении послеатлантического человека²⁹. Символические значения этих представлений «по учению современных теософов, заявляющих, что они наследники тайного знания древних» [Белый, 2010, с. 353] рассматривает А. Белый в примечаниях к статье «Эмблематика смысла» (1909), однако большая их часть, в связи со своей маргинальностью для господствовавшей культуры, оставалась в критических публикациях символистов подспудной и находима лишь в стихах. Историософия уничтоженной катастрофами череды коренных рас Лемуруров и Атлантов, несших предвечную духовную культуру, проявляется в поэтическом наследии символистов, например, в стихах В. Брюсова: «Были Лемуры, атланты и прочие» (1924 г.), «Впервые светоч из священных слов / Зажгли Лемуры, хмурые гиганты; / Его до неба вознесли Атланты», – который проецировал эзотерический миф на эсхатологические настроения его революционной современности: «Все ж от Лемурии / Был путь до Красного Кремля» [Брюсов, 1974, с. 161, 383, 428].

В своей аналитической работе «Учители учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение» В. Брюсов перечисляет наиболее существенные современные источники эзотерических преданий о культуре атлантов, оживающих в его стихах: «Особое место занимают работы об Атлантиде оккультистов и теософов, даже шире – вообще мистиков <...> В новое время об Атлантиде, в этом духе, писали: Элифас Леви, Фабр д'Оливе, Луи Лукас³⁰, Блаватская, Мид, Скотт-Эллиот, Папюс, Э. Шюре, Р. Штейнер и др.» [Брюсов, 1975, с. 422]. Отметим, что В. Брюсов обращается здесь не только к основателям и последователям теософских и антропософских доктрин истории, но и к таким ярким представителям французской оккультной историософии, как Фабр д'Оливе и Элифас Леви. В своих историософских размышлениях А. Белый и М. Волошин также неоднократно обращаются к трудам французских эзотериков д'Оливе, де Гуайта и д'Альвейдра. К сожалению, о взглядах на Атлантиду этих известных французских эзотерических мыслителей до настоящего времени отсутствует критическая русскоязычная литература, однако тема Атлантиды занимала важнейшее место в их историософии,

29 Подробнее об антропософском учении о человеке в атлантическую и послеатлантическую эпохи см. выписки по теме из работ Р. Штейнера на сайте «Энциклопедия духовной науки» [URL:] <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Anthropos&go=page&pid=106> (доступ от 15.05.2016).

30 Имеется в виду Луи Люка (Louis Lucas, 1816–1863) – французский химик и биолог, истолковывавший алхимическое делание через герметические тексты, автор идей о «трансцендентных» физике и химии в их связи с живой природой и книг по алхимии и «новейшей», т.е. оккультной медицине. Пример исследователя, пытавшегося соединить научные и герметические представления своего времени, работы которого оказали большое влияние на Папюса и Э. Леви.

что являлось предметом внимания русских символистов, обращавшихся к первоисточникам³¹.

Английский исследователь западного эзотеризма Жоселин Гудвин (*Joscelyn Godwin*) недавно посвятил специальную монографию «Атлантида и циклы времени: пророчества, традиции и оккультные откровения» теме Атлантиды в западной эзотерической традиции. Это комплексное исследование основных оккультных учений об Атлантиде уделяет особую главу «Французской эзотерической традиции», где автор рассматривает место Атлантиды в философии истории Фабра д'Оливе и синархической истории Сент-Ив д'Альвейдра [Godwin, 2011, р. 36–63], к которой мы и отсылаем читателя для более обстоятельного ознакомления с вопросом.

Однако здесь необходимо кратко остановиться на отмеченном уже одним из пионеров в исследовании западного эзотеризма Джеймсом Уэббом факте того, что оккультная концепция последовательных доисторических рас, позже принятая теософско-антропософским истеблишментом, первоначально была предложена Фабром д'Оливе. В этой связи Уэбб писал: «Отцом французской линии традиционалистской мысли был Антуан Фабр д'Оливе (1767-1825) <...> В конце жизни он опишет в *Истории философии человеческой расы (Histoire philosophique du genre humain, 1824)* полностью воображенную историю исчезновения Атлантиды, которую в дальнейшем станут изображать оккультисты. Это огромное исследование 12000 лет человеческой истории вводит в оккультизм концепцию о нескольких последовательно населяющих землю расах людей, которую Блаватская развивает в Тайной Доктрине. Фабр д'Оливе думал, что некогда в районе Северного полюса появилась и распространилась далее правящая черная раса. Красная же раса в значительной степени погибла в Атлантиде. <...> Так Фабр д'Оливе привил эзотерической Традиции понятие благовидной предыстории» [Webb, 1974, р. 270]. Поскольку русские символисты обращались как к теософской и антропософской «доисторическим» расовым доктринам, так и трудам самого Фабра д'Оливе и продолжателей его «предтрадиционалистской» историософии (течение эзотерического традиционализма обычно начинают с трудов Р. Генона в начале XX века), то использовать предложенное Г. В. Нефедьевым понятие «теософско-антропософского значения» образов Атлантиды в творчестве символистов, без учета французской «предтрадиционалистской» эзотерической традиции, следует с большой осторожностью.

31 Отметим также, что книги Фабра д'Оливе с многочисленными пометами Волошина и, возможно, А. Белого (бравшего труды Фабра д'Оливе для чтения во время пребывания в гостях у Волошина) сохранились в Мемориальной библиотеке Дома-музея поэта в Коктебеле, что свидетельствует об их глубоком внимании к первоисточникам при изучении творчества французского мистика-историософа.

В подтверждение нашего тезиса приведем и то обстоятельство, что, как известно, Р. Штейнер подвергал теософскую расовую историософию ожесточенной критике. Так, уже в ранних лекциях и статьях доантропософского периода 1904-1908 гг. из цикла «Aus der Akasha-Chronik» («Из акаша-хроники») (подробнее см. примеч. 11) Штейнер утверждал, что «человечество в будущем будет расчленено на такие части, которые больше нельзя уже будет назвать “расами”. Ходовая теософская литература произвела в этом отношении много путаницы. В особенности это произошло благодаря одной книге, – <...> А.П. Синнетта “Эзотерический буддизм”. В ней новое развитие изображено так, словно “расы” вечно одинаковым образом повторяются через мировые кругообороты. Но это совершенно не так. И то, что заслуживает название “расы”, также возникает и исчезает» [Штейнер, 1914, с. 232]. Таким образом, по крайней мере в ряде случаев значение аллюзий на «эзотерическое предание» о расах требует уточнения или указания возможного первоисточника.

В качестве иллюстрации разберем один из выводов статьи «Сон об Атлантае» [Нефедьев, 2005, с. 200] Г. В. Нефедьева – на сегодняшний день наиболее глубокого и последовательного исследователя эзотерических источников образа Атлантиды в русском символизме. В этой связи рассматриваемый нами с методологической точки зрения пример можно считать показательным, не умаляя тем важного научного значения публикаций исследователя. По заключению Нефедьева: «В драме В. Брюсова “Земля” <...> одному из главных героев является Дух последней колдуньи, умевшей читать отрывки из книг атлантов, и пророчествует о близком Конце Мира и гибели пятой человеческой расы. Несмотря на тот факт, что среди “имен мексиканских”, которые носят все герои драмы (например: Неватль, Тлакатель, Теотль и др.) отсутствует имя “Тлаватль”, мы можем утверждать, что оно было знакомо Брюсову, и именно в теософско-антропософском значении». Учитывая, что драма «Земля» создавалась В. Брюсовым в 1905 году, за семь (!) лет до раскола в теософском движении и образования Антропософского общества, утверждение автора о «теософско-антропософском значении» имен и метафор драмы исторически неточно, что очевидно сужает круг применимости этого, предложенного самим же Г. В. Нефедьевым понятия, ставшего здесь клише. Отметим также, в этой связи, что первые визионерские описания психологических образов подрас, данные Р. Штейнером в цикле лекций, а затем статей 1904-1908 гг. о хрониках акаши в предназначенном для узкого «посвященного» круга малотиражном журнале Штейнера «Люцифер-гнозис» (“Lucifer-Gnosis”, 1904/05), стали известны в России не ранее 1908 г., а опубликованы были в русском переводе в 1912 и 1914 гг. Тогда же появляется и ценимая В.

Брюсовым книга близкого знакомого Р. Штейнера Э. Шюре «Божественная эволюция» [Schuré, 1912], объединившая историософию Фабра д'Оливе с работами Скотт-Эллиота и Штейнера об Атлантиде и Лемурии. Возникает закономерный вопрос, в каких случаях мы можем говорить об антропософском влиянии, а в каких – о влиянии работ самого Рудольфа Штейнера (формально относящихся к периоду его деятельности в немецкой секции Теософского общества)?

С другой стороны, анализ обращающихся к теме Атлантиды работ В. Брюсова показывает внимательное знакомство писателя с трудами Скотт-Эллиота по истории Атлантиды и Лемурии, в которых вводится мексиканский контекст имен атлантических рас толтеков и тлаватлей и рассказывается о воцарении древних родов подрас Атлантов в Мексике и Перу [Scott-Elliot, 1901, Chap. 1]. Учитывая это, вряд ли уместно привлекать дополнительно антропософский контекст для истолкования метафорического значения атлантических образов и имен как в творчестве Брюсова, так и других символистов, хорошо знакомых с первоисточниками эзотерической истории Атлантиды. Безусловно, влияние специфично антропософских идей о психологии и духовном мире атлантов может быть найдено у глубоко увлеченных идеями Штейнера и примкнувших к Антропософскому обществу А. Белого и М. Волошина, но оно должно быть доказательно выделено из общего контекста используемой ими оккультной мифологии Атлантиды западного эзотеризма³².

В этой связи, вероятно, для обозначения эзотерических истоков атлантической мифологемы символизма, включившей элементы всех рассмотренных нами представлений об «атлантической расе», в будущем должен быть найден более общий термин в рамках современных исследований западного эзотеризма как научной дисциплины. До этого мы предпочитаем говорить в настоящей работе о влиянии на специфическое литературно-мировоззренческое течение русского символизма мифа об Атлантиде западного эзотеризма в целом (что и вынесено в заглавие работы), либо выделять очевидные аллюзии на конкретные первоисточники. В противном случае обобщающий анализ подавляющего количества отечественных исследований образа Атлантиды в литературе Серебряного века может привести к необоснованному заключению о «штейнерианстве» атлантической мифологемы русского символизма.

С другой стороны, необходимо выделить и оценить собственно антропософскую специфику рецепции мифа об Атлантиде в атлантичес-

32 См., напр., обширную библиографию западных исследований, посвященных выявлению роли различных теософских и антропософских идей в творчестве А. Белого, приведенную в статье: [Seidel-Dreffke, 1998].

ской мифологеме русского символизма. Внимание увлеченных идеями Р. Штейнера символистов и близких к их кругу писателей к антропософскому изводу эзотерической историософии Атлантиды может быть оценено, в частности, при обращении к их архивам и кругу чтения. Так, в Мемориальной библиотеке М.А. Волошина кокетбельского Дома-музея поэта сохранилась содержащая многочисленные пометы М. Волошина (и, возможно, М. Сабашниковой) «История Атлантиды» Скотт-Эллиота во французском переводе [Scott-Elliot, 1901]. Сочинения Р. Штейнера также включают отмеченные Волошиным фрагменты об Атлантиде. Например, французское издание книги Р. Штейнера «Окультная наука» [Steiner, 1914] (Кат. № МБ 7144) содержит многочисленные пометы поэта по теме преобразования коренных рас от гиперборейской через атлантическую эпохи. В частности, Волошин отчеркивает мысль Штейнера: «Миссия послеоатлантического человечества – все более и более завоевывать физическую действительность, стать господином над миром физических явлений»³³. Не останавливаясь подробно на общем теософско-антропософском мифе о преемственности и становлении духа в череде катастрофических культур, выделим отличительную особенность эзотерической историософии атлантической расы у Р. Штейнера, которой является, по нашей предварительной оценке, подробное описание древних способов мышления атлантов (см. примеч. 6 и 11). Эти визионерские описания имеют как вероятные, так и очевидные параллели с теоретическими изысканиями младосимволистов А. Белого и Вяч. Иванова в области разработки и осмысления «языка русского символизма», в особенности – поэтического «припоминания» и магии имен³⁴, что составляет предмет отдель-

33 [Steiner, 1914, s. 244]. М. Волошиным отчеркнуты и подчеркнуты строки 23–24: «la mission de l'humanité post-atlantéenne, qui était de conqueror la nature physique...».

34 См., напр.: «Теперь люди мыслят в понятиях; атлант мыслил в образах. И когда в душе его возникал какой-нибудь образ, то он припоминал многие другие подобные же образы, пережитые раньше, и этим руководствовался в своем суждении. Поэтому и обучение тогда было иным, чем в позднейшие времена. Оно не стремилось к тому, чтобы вооружить ребенка правилами или изошрить его рассудок» [Штейнер, 1914, с. 8]. Штейнер подчеркивает фундирующую жизнь атлантов роль памяти, которая во многом заменяла рассудок и авторитетом пользовался, естественно, не тот, кто много учился, а тот, кто много помнил, т.е. много прожил. Чтобы принять решение, атлант оживлял в своей памяти все сходные ситуации. Особые свойства психики, согласно Штейнеру, были присущи посвященным всех времен, которые сохраняли связь с высшими мирами: они были членами тайных общин, причастными к откровениям и мистериям, которые были открыты еще «посланникам богов» (у атлантов). См.: Штейнер Рудольф. «Атлантида и Лемурия», оригинал. издание: [Steiner, 1923]. Основы подобного видения атлантов у Штейнера были вероятно заложены не только Блаватской, но и М. Генделем, который, например, в книге «Космогоническая концепция розенкрейцеров» пишет, что во времена атлантов: «Человек руководствовался внутренним восприятием больше, чем внешним зрением» [Гендель, 1994, с. 53]. Эти идеи получили продолжение. Так, «вспоминанию» своих инкарнаций и «видениях» Атлантиды в современной медиумической практике и литературе Нью-Эйдж частично посвящено исследование В. Ханegraафа [Hanegraaff, 1996, p. 309–313], в том числе «возвращению Атлантиды» [Hanegraaff, 1996, p. 353–354].

ного исследования и выходит за рамки данной статьи. Отметим лишь, что такие искания привели к важным семиотическим достижениям, о чем уже говорилось ранее, однако порою доходили до анекдотичного. Так, в своих воспоминаниях А. Белый описывает «эксперимент» по «вспоминанию» своей инкарнации в Атлантиде Эллиса: «(это было в эпоху, когда он вообразил себя оккультистом), он с такой потрясающей яркостью изобразил мне жизнь мифической Атлантиды, что меня взяла оторопь» [Белый, 1990а, с. 43].

В заключение нашей методологической дискуссии приведем отзыв В. Брюсова о наиболее ценных с точки зрения информации о эзотерическом предании об Атлантиде трудах эзотериков начала XX века (современных Брюсову): «Подробно рассматривает возникновение культуры Атлантиды – Э. Шюре в своей интересной книге «Божественная эволюция» [Брюсов ссылается в примечании на повторное издание книги: «É. Schuré, “L'évolution divine”, P. 1913», что позволяет датировать вероятный нижний временной предел его знакомства с работой Шюре, – AP], где автор начинает обзор с той геологической эпохи, когда человек (будущий атлант) был еще крылатым, ящерицеподобным существом (отголосок одной естественнонаучной гипотезы). Многое, притом с большими деталями, сообщает об Атлантиде в своих лекциях, популярный у нас, Рудольф Штейнер. Наконец, с именем Скотт-Эллиот появилась специальная книга об Атлантиде, в которой изложена вкратце вся история Атлантиды, с древнейших времен до года ее гибели, описаны флора и фауна материка, изъяснены основные законы царства атлантов, их религия, их обычаи, образ их домашней жизни и т. д. Автор нигде не открывает методов, какими получены им эти подробнейшие сведения, ограничиваясь заверением, что он писал не по произволу, но постоянно критически проверяя получаемые выводы... В этой книге, как и в других сочинениях оккультистов, приходится верить автору на слово, поэтому науке пока нечего делать с их утверждениями» [Брюсов, 1975, с. 422].

Внимание к эзотерическому преданию об Атлантиде в критическом отзыве Волошина на «Теггор Antiqu[u]s» открыто объяснялось тем, что: «Кроме свидетельства Платона и эзотерических преданий, мы не имеем никаких доказательств существования и гибели Атлантиды» [Волошин, 2007, с. 118].

В лекции об Атлантиде близкого к символистам о. П. Флоренского, где обсуждаются статьи-рецензии Волошина и Вяч. Иванова по поводу картины Бакста, также приводится перечень наиболее существенных научных или содержащих эзотерические предания публикаций об Атлантиде. В примечаниях Флоренский прилагает ссылки на множество

научных публикаций об Атлантиде, часть которых поясняет цитаты из статей Волошина и Вяч. Иванова, что позволяет увидеть в них не только обозначенные, но и оставшиеся за скобками смыслы. Одно из примечаний Флоренского посвящено также обзору литературы о эзотерических преданиях об Атлантиде, включенной в символистский дискурс. Приведем это важное свидетельство: «Оккультные предания свидетельствуют о катастрофической гибели даже двух обширных материков: Лемурии – от “вулканического огня” и Атлантиды – от “волн как бы громадного прилива, затопившего поверхность земли” (см. лекцию Эдит Уорд, – “Теософия и современная наука”, – русский перевод которой помещен в “Вопросах Теософии”. Выпуск 1-й. СПб., 1907. – Тут же, на с. 125–128, указаны некоторые любопытные параллели между оккультными преданиями и данными геологии). – Насельники последнего из них, атланты, принадлежали, по воззрениям теософов, к четвертой человеческой расе (из 7-ми), непосредственно предшествовавшей пятой расе – носительнице западно-европейской культуры. – Мотив об Атлантиде – один из любимых, даже назойливых в оккультной литературе, так что я затрудняюсь сослаться на то или другое сочинение. Читатель может найти разработку этих преданий в сочинениях Е. П. Блаватской, Рудольфа Штейнера, Теофила Паскаля, Э. Шюрэ и множества других более и менее видных представителей оккультизма; русский перевод некоторых из этих сочинений помещался в журналах “Теософическое Обозрение”, “Вестник Теософии”, “Теософская жизнь” и т. д. и в сборниках “Вопросы Теософии”» [Флоренский, 1994, с. 87]. В лекции Флоренского статья-отклик Волошина на картину Бакста соотносится с аналогичной работой Вяч. Иванова, о которой следует сказать особо.

Гиперборейская лебединая память у Вяч. Иванова

Немногим позднее М. Волошина, в журнале «Золотое руно» (№ 4, 1909) Вячеслав Иванов также публикует отзыв о картине Льва Бакста «Древний ужас» (1908), посвященной Атлантиде. Вяч. Иванов, вслед за Платоном, помещал Атлантиду «к западу, за Геркулесовы Столпы» [Иванов, 1979, с. 95] и почитал ее воинственным наследником гиперборейских знаний и главным врагом эллинской праевропейской культуры. Колонии Атлантиды Вяч. Иванов видел в Эгейской цивилизации и на Крите. К самой атлантической культуре относился неоднозначно, поскольку, опять же, следуя

Платону³⁵, смена эпических поколений у атлантов привела к истощению в них той божественной природы, которую можно было считать наследием Гипербореи, что, в итоге, и привело Атлантиду к гибели. Подобные образы мы встречаем также в поэме-мелопее Вяч. Иванова «Человек», где в потоке гибнут «преступные святыни»:

*Питавший чистых золотым плодом
От Древа Жизни, остров лебединый
Давно застыл гиперборейской льдиной;
Погиб Атлант в потоке вод седом. <...>
Сменила Атлантида мглу хором
Закуренных на влажные пещеры,
На соль морскую – хульные кратэры
Волшебных нег и ведовских истом.*

Однако, вслед за строками о погибших Гиперборее и Атлантиде Вяч. Иванов пишет:

*Былого отреченные страницы,
Вас, Памяти вселенской письмена,
Не может скрыть земля, ни смыть волна,
Как туча – судороги гроз, зарницы.*

В монографии С. Д. Титаренко о творчестве Вяч. Иванова было показано, что архетипическая идея вечного возвращения трансформируется у Вяч. Иванова в жизнетворческий миф [Титаренко, 2012, с. 104]: «Мета-текст творчества Вячеслава Иванова спроецирован на миф исканий сокровенного знания на основе мифологических мотивов памяти и вечного возвращения» [Титаренко, 2012, с. 644]. Из жизнетворческих мифологем «наиболее актуализированными в творчестве Иванова и системе русского символизма начала XX века стали следующие: миф об андрогине, основанный на архетипе «круглого человека» или первочеловека («Пир»), миф об анамнесисе (припоминании) души как способе получения сокровенного знания, связанный с архетипом Памяти Предвечной или Первопамяти («Федр», «Федон», «Менон»)» [Титаренко, 2012, с. 476]. «Носителями культурной памяти человечества выступают «посвященные» – жрецы,

35 «В продолжение многих поколений, пока <...> в них сохранялась божественная природа, все их богатство увеличивалось. Но когда божественная доля (η τοῦ θεοῦ μοῖρα) начинала ослабевать в них, многократно смешиваемая со смертным началом (πολλῶ τῷ θνητῷ) и над ними взял верх человеческий нрав (τὸ ἀνθρώπινον ἦθος ἐλεγκράτει), они не смогли долее выносить свое богатство и утратили благопристойность» (Платон. Критий 120e–121b). Подробнее о мотиве смены эпических поколений в предании об Атлантиде см.: [Крайко, 2006].

поэты, художники, архитекторы» [Титаренко, 2012: 71]. Эти наблюдения, по нашему мнению, показывают важное место мифов о Гиперборее и Атлантиде в творчестве Вяч. Иванова, для которого одной из главных задач «онтологической» поэзии служило воскрешение поэтом «живущего в темной памяти древнего мифа» [Иванов, 1987, с. 518]. «Тайным деланьем» поэта-символиста оказывается облачение в слова воспоминаний души о божественном творческом Логосе, своем происхождении и истории, а символизирует такое «припоминание» – Гиперборея. Так, перу Вяч. Иванова принадлежат написанные в 1914-1936 гг. отдельные «гиперборейские» стихотворения «Гиперборейская Быль», *Taedium phaenomeni* («Гиперборей»), а также циклы «Лебединая память» и «Певец у суфитов». Образ гиперборейских лебедей у Вяч. Иванова основан на платоновских «Федоне» (85b) и «Государстве» (X, 620a: душа Орфея выбирает жизнь лебеда), а также рассказе Гимерия о живущих «за Бореєм», т.е. на крайнем севере, гиперборейцах, в чью страну Аполлон отправляется на запряженной лебедями колеснице. Вяч. Иванов опубликовал поэтический перевод гимна к Аполлону Алкея, в котором рассказывается о пребывании Аполлона в Гиперборейях [Алкей и Сафо, 1914, с. 33–34]. Однако, «классический» гиперборейский сюжет настолько трансформируется Вяч. Ивановым в миф о поэзии как памяти-анамнезисе, что, по мнению итальянского исследователя его творчества А. Шишкина: «есть основание говорить о собственном ивановском гиперборейском мифе» [Шишкин, 1996, с. 299], вернее сказать – созданной им «гиперборейской мифологеме». В цикле Вяч. Иванова «Певец у Суфитов», поэт – «веры гиперборейской», т.е. соискатель платоновской памяти как предвоспоминания души, и «Гиперборейских / Он тайнодейный / Наперстник струн». Суфий говорит ему: «Брат лебедей в священстве Аполлоновом, / В гиперборейской памяти <...> Той памятью мечты твои пронизаны, <...> поэт!». Гиперборейская «лебединая память» поэта, для Вяч. Иванова, это то, что «говорит Платон, и Память Предвечная (*αἰδιότης*): воспоминание души о довременном созерцании божественных Идей. Она – источник всякого личного творчества <...> Ибо творчество совершается в Духе <...> пророческие дары Духа – <...> раскрываются памятью о бытии первом» [Иванов, 1979, с. 92]. Представления о мистериальных основаниях творчества как платоновском «припоминании» творцом и духовном знании врожденных истин, заложенного в душе до ее земного рождения опыта («Федон», 73–78, «Менон» 81b-86b, «Федр», 249c), легли в основу «гиперборейских» взглядов Вяч. Иванова на роль символизма в поэзии и искусстве

в целом:³⁶ «по совершении Человека, всего себя вспомнит Адам, во всех своих ликах, в обратном потоке времени <...> и первозданный вспомнит свой Эдем. Так и художник тогда наиболее творец, когда пробуждает в нас <...> память Мировой Души». Эдем души для Вячеслава Иванова – любимая Аполлоном «страна блаженных» – Гиперборея³⁷.

Соприкасавшимся с кругом символистов критикам-современникам символистская мифологема о мистической «атлантической памяти» была знакома. Вот характерный фрагмент из письма ученика С. Дурьлина филолога и поэта Д. С. Усова к будущему биографу и публикатору творчества Черубины де Габриак³⁸ Е. Я. Архиппову. В 1920-21 гг. Архиппов написал статью о поэзии Черубины «*Couronne Mystique*», в первой главе которой большое внимание уделил теме «памяти об Атлантиде». По поводу этой статьи Усов пишет: «у Черубины, по-моему, атлантической памяти нет, и из русских поэтов новейшей формации она, если есть, то только у Вяч. Иванова и Ф. Сологуба (ни в коем случае не у Бальмонта!). Это была бы весьма благодарная тема для целого экскурса. Разработайте ее!».³⁹ Замысел этот остался неосуществленным.

Образ гиперборейских лебедей возвращается в стихотворении Вяч. Иванова «Атлантида», но уже как «лебедей заката», поскольку, как отмечает Г. Нефедьев, его «можно рассматривать как своего рода переадресацию гиперборейской символики лебедей их атлантическим собратьям» [Нефедьев, 2003, с. 228]. Это стихотворение содержит уже не столь негативные атлантические коннотации, как упомянутые ранее мелопея «Человек» и эссе о картине Бакста. Согласно выводам Г.В. Нефедьева: «“Атлантида” Вяч. Иванова занимает совершенно особое место, причудливым образом совмещая в себе мифотворческие, оккультные и экзистенциально-биографические подтексты» [Нефедьев, 2003, с. 231]. Нефедьев поясняет: «В стихотворении “Атлантида”, входящего в пятую книгу “*Cog ardens*” – “*Rosarium*”, мы встречаемся уже с иной образностью <...> Суть ее – в образе “розы”, в мифопоэтике Иванова становящейся символом пламенного сердца Атлантиды. Это сердце похищают лебеди, после чего остров погружается на дно океана. Упоминание далее “братьев” как хранителей розы (“Храните розу,

36 См., напр.: «Гиперборейская Быль» открывала цикл в проектах стихов 1915–1917 гг. Главный смысловой контекст задавался названием цикла – “Лебединая память”. Этот контекст был соотнесен со скрытым стержнем всего ивановского творчества <...> Таким образом название “Лебединая память” указывало и на лебединый миф у Платона и на исходящие из Платона ивановские идеи о культуре и искусстве» [Шишкин, 1996, с. 297–298].

37 Культ Аполлона Гиперборейского связан с лебедями, т.к. бог прибыл из Гипербореи в Дельфы на колеснице, запряженной лебедями, см., напр.: [Пиндар, 1980, с. 109–110].

38 Т.е. к Е.И. Дмитриевой (Васильевой), поэта и видного антропософа, полномочного представителя Р. Штейнера в России.

39 Письмо от 11 декабря 1921. Опубликовано: [Нешумова, 2007].

братья!») позволяет уже говорить о розенкрейцерской тематике стихотворения. Это не удивительно, поскольку последняя в той или иной степени присутствует во всем корпусе текстов “Rosarium’a”, писавшегося Ивановым в основном летом 1910 г. Как известно, это был последний период его общения с А.Р. Минцловой (перед ее таинственным исчезновением осенью 1910 г.), пытавшейся привести Иванова к розенкрейцерскому посвящению⁴⁰. <...> Связь Атлантиды с братством Розы и Креста – является вполне устоявшимся сюжетом в оккультной литературе XIX и XX веков⁴¹ <...> Таким образом, Атлантиду в транскрипции Иванова можно трактовать не как погибшую страну, но как еще живую (и символически и эзотерически)» [Нефедьев, 2003, с. 227-228]. Тема «живой Атлантиды» в связи с розенкрейцерством у Вяч. Иванова также была подробно исследована Г. Нефедьевым, согласно выводам исследователя: «Сохранились слова Минцловой (в дневниковой записи Э. К. Метнера) об исторически преемственной связи розенкрейцерского ордена с Атлантидой и Гипербореей: “Р<озен>К<рейцерство> древнее древнего, но явление севера (м<ожет> б<ыть> Атлантиды)”. В письмах Минцловой к Вяч. Иванову Атлантида упоминается неоднократно. Так, например, сохранился письменный отзыв Минцловой о статье Иванова «Древний ужас», где она высказывает свои замечания относительно написанного Ивановым об Атлантиде. Некоторые мысли Минцловой, связанные с розенкрейцерством и Атлантидой нашли свое отражение и в стихотворении «Атлантида». И, видимо, только зная их, можно реконструировать эзотерический подтекст на первый взгляд непонятных строк «Но живы властелины / Подводной глубины». В письме к Иванову от 10 октября 1909 года она писала своему confidentу: “В то мгновение, когда ушли из Атлантиды на Восток, лучшие силы ее – как мыши бегут с корабля, в минуту опасности!... В мгновения гибели Атлантиды – когда она “отпустила” от себя всех сынов своих, пожелавших уйти, – остался на Западе один, великий Посвященный. Имя его – не произносимо словами, есть только знак его – Роза. Он остался хранителем всех тайн и знаний Атлантиды. Он остался, чтобы оберегать их – и чтобы *встретить* учение Христа <...> Роза Атлантиды припала к Кресту благоговейно <...> И этот праотец Р<озен>Кр<ейцеров> – живет и поныне”. Вполне вероятно, что именно это визионерское откровение Минцловой послужило отправной точкой поэтического замысла Вяч. Иванова. Только отсюда становятся понятны *живые* атланты-розенкрейцеры» [Нефедьев, 2003, с. 229].

40 Подробнее об этом влиянии см.: [Богомолов, 1999; Рычков, 2011].

41 Об отношении различных течений розенкрейцерства к Атлантиде см.: [Godwin, 2011, p. 218–234].

**«Допеть за смолкшими современниками»:
историософские итоги Д. Мережковского**

Д. С. Мережковский подвел своеобразный историософский итог атлантической мифологеме русского символизма, уже в эмиграции опубликовав в составе трилогии «Тайна трех» книгу «Тайна Запада: Атлантида и Европа» (Белград, 1930/1931), всколыхнувшую в Европе интерес к мифам о погибших цивилизациях и глубинной религиозно-философской подоплеке преданий о них. Об этом сочинении Мережковского написано довольно большое число критических комментариев [Андрущенко, 2007; Осьминина, 2009; Покачалов, 2000; Слинко, 2006; Солнцева, 1999; Тиме, 1999; Цыбин, 1992]. Так, В. Цыбин метко отметил, что для русской эмиграции трагическая гибель старой России была равносильна вселенской катастрофе: «Россия – новая Атлантида» [Цыбин, 1992]. Однако, мы акцентируем внимание на этой работе как итоге историософской атлантической мифологемы русского символизма. Как было особо отмечено в недавнем диссертационном исследовании Е. А. Осьминой: «Мережковский в эмиграции <...> допевал за уже умершими или замолкшими современниками» [Осьминина, 2010, с. 43]. «Писатель хорошо знает символистскую традицию изображения Атлантиды и Египта, бытовавшую в русской литературе начала века, и использует ее. В эмиграции он как будто досказал то, что не успели договорить его великие современники Серебряного века, приводя те же мифологемы, наделяя их тем же смыслом и опираясь на те же источники» [Осьминина, 2010, с. 13].

Ключ к «гиперборейской вере» символистов в «лебединую память», позволяющую провидцу тропую мифа прийти к истокам древних символов, и сформулированной в описанной выше гиперборейской мифологеме Вяч. Иванова, также находится на страницах этой книги: «Стаи перелетных птиц каждый год слетаются туда, где была Атлантида, кружатся над водою, ищут земли, не находят, и часть их падает в воду, изнеможенная, а остальные улетают обратно. То, что мы называем «инстинктом», – вещь «знание-воспоминание», *anamnesis* Платона, – сильнее в животных, чем в людях: десять лет для него минута. Древнюю родину, Остров Блаженных, помнят они, как вчера... Помнит и вещей мудрец: в поисках древней родины, кружится над океаном, ищет земли, не находит ее, падает в волны и, умирая, сладкозвучно поет Гиперборейский лебедь, Платон» [Мережковский, 1992, гл. XXIII].

Опираясь на отзвуки мифа об Атлантиде в различных культурах, Мережковский пытается разгадать в прошлом тайну будущего и приходит к выводам, аналогичным знаменитому «Закату Европы» О. Шпенглера, став-

шими в середине 30-х годов своевременным, но не услышанным предупреждением всему культурному человечеству. Описывая современную ему Европу наследницей Атлантиды через греческую культуру и мифологию («Атлантида – семя Европы»), Мережковский стремился показать гибель цивилизаций в истории человечества как переход от одной Атлантиды к другой, который неизбежно сбудется и для Европы⁴²: исчезновение Атлантиды оказывается первым в череде «локальных апокалипсисов» цивилизаций и потому его постижение несет жизненно важный для настоящего эвристический смысл: «никогда еще так близко не заглядывало в лицо будущему бывшее».

С религиозно-историософской позиции, метаисторическая культура Атлантиды для Мережковского – модель богочеловечества. Поэтому: «Человеку надо измениться физически, чтобы сделаться Богом, – переиначивает Мережковский гиперборейский секрет символистского творчества в рецепт познания и обретения контроля над грядущим цивилизационным кризисом: “Измениться физически” – значит, не умирая <...> вернуться с чужбины на родину – в “Атлантиду” из Истории». Иначе, для нового, «Третьего человечества», по мысли Мережковского, наша история будет таким же мифом, как ныне – история Атлантиды.

Это изменение человека видится Мережковскому в русле учения калабрийского аббата Иоахима Флорского (1132–1201) о Третьей эпохе Святого Духа, где люди будут обладать духовными телами, а церковь упразднится в пользу «соборного» богочеловечества. Тринитарная историософия Иоахима Флорского служит семантической скрепой поздних произведений писателя, особенно отчетливо оно описано в романах-эссе Мережковского «Данте» и «Франциск Ассизский». Учение Иоахима и позднейший иоахимизм оказали значительное влияние как на протестантских мистиков (Я. Беме), философов (Шеллинг, Вл. Соловьев), так и классиков европейской (Данте) и русской (Достоевский) литературы, в том числе «старшего» символиста Мережковского, в творчестве которых оно обрело новую жизнь. В.В. Полонский в своей недавней монографии показывает Иоахима Флорского «идейным прашуром» Мережковского, в духе которого писатель осознает XIX и XX столетия как переходный период гибели «эона века сего», а его тринитарная диалектика становится основой историософского прамифа и содержания практически всех поздних произведений Мережковского [Полонский, 2008, с. 147]. По выводу исследователя, книги позднего

42 Обращенные к мифу эсхатологические настроения культуры Серебряного века были сформулированы подобным образом автором поэмы «Гибель Атлантиды» (1912) В. Хлебниковым в 1915 году: «сказки, – память старца или нет? Иль детское ясновидение? Другими словами, я думал: потоп и гибель Атлантиды была или будет? Скорее я склонен был думать – будет» [Хлебников, 1986, с. 602].

Мережковского «совокупно образуют единый профетико-историсофский хилиастский “текст” <...> подобие общесимволистского “гипертекста” рубежа XIX-XX веков» [Полонский, 2008, с. 122, 267]. Мережковскому и ряду младосимволистов, «впитавших» иоахимизм вместе с соловьевством в свои мировоззренческие основания, социальные катаклизмы выделялись в контексте тринитарных представлений Иоахима Флорского и Вл. Соловьева (придавшего его учению о грядущей эпохе Духа софийный облик ключевого российского теоретика эсхатологического историософского хилиазма) об истории как духовно-религиозном процессе, цель и смысл которого в приближении к изменяющей облик человека Третьей эпохе, сопровождаемой глобальными изменениями европейской «духовной истории» и предваряемой кризисными проявлениями (по Иоахиму – явлением антихриста). В обращаемом к Атлантиде сочинении Мережковский сопоставляет эзотерическое предание о духопонимании атлантами предшествовавших им более божественных рас с идеями богочеловечества Третьей эпохи Св. Духа. В заключение необходимо подчеркнуть различие эсхатологических оснований метафорического образа Атлантиды у Мережковского, продолжающего воззрения символистов и основанного на мистико-религиозном понимании смысла истории в духе иоахимизма и историософии Вл. Соловьева, с последующими версиями катастрофического возвращения Атлантиды (или «пришествия» инопланетян), предложенными представителями движения Нью-Эйдж.

Научные основания атлантической мифологемы символизма

Исследователями историософского трактата «Атлантида-Европа» было показано, что «Мережковский использует практически все современные ему труды по атлантологии и обращается к основным историческим источникам» [Осьминина, 2010, с. 13], а также «отмечено сходство толкований (Атлантида – пра-культура), общность источников и тождество символов. Вывод Брюсова, о торжестве «традиции» (до некоторой степени – оккультной, мистической) над “наукой”, соотносится с заключением Мережковского, о торжестве “мифа” над “историей»» [Осьминина, 2010, с. 29]. Однако, не только В. Я. Брюсов и Д. С. Мережковский, но и другие символисты привлекали современные им работы историков и археологов при осмыслении темы Атлантиды. Так же поступает и А. Белый. Так, Сфинкс у Андрея Белого в путевых заметках «Африканский дневник»: «уже шестьдесят почти длинных веков он глядит на восток; а исшел, воплотился он, верно, из более ранней эпохи <...> Не на десятки, на сотни столетий; и ранее; эта культурная линия теплилась

в <...> Атлантиде, которую ныне признали ученые; так утверждает профессор И. Вальтер [Вальтер, 1911а; Вальтер, 1911б], что «Атлантида представляется нам первоначальной родиной» [Белый, 1994а, с. 448]. Но особенно вдохновляли русских символистов исследования Лео Фробениуса, одного из ключевых немецких этнографов начала XX века, впоследствии – основателя института на принципах созданной ученым культурно-морфологической школы т.нз. «диффузионизма». Фробениус акцентировал внимание на важности культурной преемственности в истории человечества, которая сводилась им к истории контактов, заимствования и переноса культур. Послойно освобождая ту или иную современную культуру от внешних влияний, через «культурные круги» Фробениус предполагал углубиться к ее древнейшей составляющей в изначальном виде. Этот подход оказался перспективен в области исследования мифов и весьма напоминал представления самих символистов, так что был одновременно воспринят и признан ими как в научном, так и эзотерическом контекстах. С 1908 г. по 1912 гг. Фробениус проводил экспедиции в Африку, на юго-западном берегу которой его раскопки обнаружили остатки древнего города и цивилизации йоруба. На основании археологических находок и сопоставительного анализа мифологии Фробениус заключил, что Африка возлежит на развалинах классической Атлантиды. Лео Фробениусом результаты своих исследовательских путешествий по Африке начала XX в. были изложены в 4-х томном издании под общим заглавием: «Und Afrika sprach» («И Африка говорила!»), первый том которых озаглавлен: «Auf den Trümmern des klassischen Atlantis» (1912). Данные Фробениуса никем из символистов не подвергались сомнению. Как писал В. Брюсов: «В этом сочинении автор <...> детально знакомит со всеми раскопками, описывает найденные предметы: книги иллюстрированы частью рисунками с натуры, сделанными автором, частью точными фотографиями. Таким образом, достоверность сообщаемого не подлежит никакому сомнению <...> правдивость Лео Фробениуса никем не оспаривается. Правда, когда речь заходит об Атлантиде, автор высказывает предположения, с которыми не всегда можно согласиться. Но это уже вопрос выводов из фактов, самые же факты должны быть отныне стать общим достоянием науки» [Брюсов, 1975, с. 427]. Известно, что Брюсов был настолько воодушевлен экспедициями Фробениуса, что твердо намеревался и сам отправиться в африканскую экспедицию к верховьям реки Нигер на поиски остатков поселений и культуры колонии атлантов, чему помешали начавшаяся мировая война, а затем революция.

Необходимо уточнить, что подход символистов к «находкам» Атлантиды то в Мексике, то на Крите, то в Африке как к обнаружению новых колоний атлантов – скорректировал в глазах многих из них мнение Фробениуса о том, что им обнаружена «классическая Атлантида». В этой связи

Д. С. Мережковский писал: «Первые путешественники, испанцы и португальцы XV–XVI веков, нашли здесь, на Золотом берегу Гвинеи, почти такие же чудеса древней культуры, как в Перу и в Мексике, неизвестно когда и откуда занесенные <...> Что же было здесь в царстве Уфа? “Атлантида”, полагает новейший исследователь этих мест, немецкий ученый Лео Фробениус (Frobenius, VII). Но кажется, и здесь, как в Тартессе и Тритонисе, было только поселение атлантов» [Мережковский, 1992, гл. XVII].

Вспоминая о своих зарубежных путешествиях в мемуарах «Между двух революций» А. Белый писал: «все грезились о будущих путешествиях наших в Туат; и – далее; Сахара, Судан и Гвинея – неспроста влекли; ведь Фробениус скоро потом начал связывать с Атлантидой раскопки свои, здесь веденные» [Белый, 1990б, с. 380]. После возвращения из Берлина, 17 декабря 1923 года Андрей Белый писал Иванову-Разумнику⁴³: «...катакомбное бытие есть естественное бытие людей, которые живут ритмом будущего. Такова жизнь – в Германии, Франции, Англии; такова жизнь в России. Характерно: вчера я прочел письмо Фробениуса (автора ряда томов об африканской культуре в связи с Атлантидой, Шпенглер в некотором роде его ученик), – прочел письмо Фробениуса, адресованное одному молодому, московскому ученому; в этом письме идет речь все о том же: человечество изжило себя; и взоры немногих “ведающих” обращены на Восток; как ни тяжела жизнь в России, однако: там совершается “нечто”, на что обращены взоры запада» [Переписка, 1998, с. 269, 273]. Таким образом, фигура Лео Фробениуса в восприятии А. Белого приобретает двойное значение: он и авторитетный ученый и «ведающий», чья эсхатологическая мудрость оказала влияние на Шпенглера (вероятно, имеется в виду его знаменитый труд «Закат Европы»).

Что же такое «Атлантическая мифологема русского символизма»?

Литературно-мировоззренческое движение символизма в своих основаниях опиралось на мифы как способ эстетического и сакрального осмысления эмблематики и «корреспонденций» реальности, которые не могут быть так же хорошо и полно узнаны и выражены немифологическим путем или способом познания, включая научный (эту гносеологическую тему, поднятую Вяч. Ивановым, А. Белый обсуждает, в частности, в статье «Эмблематика смысла» [Белый, 1994б]). Однако, миф в его архаическом варианте

⁴³ В связи с этим письмом Н.А. Богомолов замечает, что символисты, как носители культуры катакомбной, потаенной «осознавали, что их деятельность во многом определяется самим состоянием нынешней цивилизации» [Богомолов, 1999, с. 18].

самодостаточен и замкнут на самом себе. Сознательное заимствование мифологических мотивов, их интерпретация и перенесение в мир современной художественной культуры – важнейшая «онтологическая» характеристика творческого метода символистской эстетики, порождающей «персональные» и «цеховые» мифологемы как герменевтический компонент произведения искусства и как почву для нового творчества. В круг мифологем младосимволизма исследователи включают: посвятительную, орфическую, розенкрейцерскую, александрийскую, памяти-анамнезиса, пути, поэта-пророка, «пробужденного Лика», «грядущего духовного преображения мира», кризиса цивилизации, «Востока и Запада» (которые объединяются лишь в Атлантиде, а затем Александрии) и, наконец, софийную – амбивалентную мифологему Вечной Женственности (*ewige Weiblichkeit*) как Мировой души (*Weltseele*) и гностической Софии (у А. Блока – «падения звезды»). Однако, большая их часть чужда эстетике первой волны «старших» символистов.

Ключевая особенность рассматриваемой нами как отдельное понятие Атлантической мифологемы символизма состоит в том, что она становится элементом общесимволистского мировидения, объединяя «старших» и «младших» символистов. «Атлантическая» семантика и оноματοлогия (например, «мексиканские имена») постепенно входят в общий «неомифологический» текст символистского дискурса, в итоге создавая особый и устойчивый неомифологический историософский сюжет, перекодирующий легенды об Атлантиде в охватывающую современность метаисторическую *Атлантическую мифологему*, сближающую эстетику двух течений русского символизма обретающей художественную форму общей культурософской картиной мира. Символизм творчески усваивает образ-мифологему Атлантиды. Близка в нем всем символистам оказывается, в частности, отражающая их творческий метод легенда о наследованном от богов интуитивном восприятии атлантами мира в его «слитности» и многообразных «корреспонденциях». Вероятно, впервые это сопоставление появляется в 1905 году в стихах К. Бальмонта из цикла «Вода»: «Мир, где ни мук, ни тьмы, ни страха, ни обиды, / Где все, плетя узор, в узорность сплетены. / Как будто города погибшей Атлантиды, / Преображенные, восстали с глубины». Позднее, Бальмонт проясняет образ в «Изыскательных замечаниях» к сборнику переводов и подражаний из фольклора внеевропейских стран «Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних»: «Религия древних Египтян, этих поселенцев из погибшей Атлантиды, так же как религия Майев и Мексиканцев, им чрезвычайно родственных, и тоже озаренных запоздалыми зорями Атлантиды, есть религия по преимуществу Солнечная. Благоговейным своим сознанием Египтяне сливают в одну великую Цельность небесные Светила с земными цветами, Человеческий мир с миром зве-

рей и Богов, текущее мгновение с безмерною Вечностью, и здешнее сегодня с запредельным Завтра» [Бальмонт, 1908, с. 193].

Устойчивые мифологемы Атлантиды и примыкающей к ней гиперборейской («лебединой») памяти постепенно входят в основание ряда культурологических работ и стихов как «старших» (В. Брюсова, К. Бальмонта и Д. Мережковского), так и «младших» (Эллиса, А. Белого, Вяч. Иванова) символистов и их идейно ближайшего литературного окружения (например, М. Волошина), где атлантическая мифологема соотносится с проблемой преемственности и кризисов культуры, а также гибели сперва атлантической, затем античной и, наконец, синкретической александрийской культуры.

В художественном творчестве русских символистов отражается также специфическая трактовка мифа об Атлантиде как общекультурной колыбели всей мировой цивилизации, достижения мудрости которой отразились в цепи преемственности мировых культур. Следы Атлантиды они находили в череде сменявшихся, но единых в своих мистериальных традициях и символах мифов эпох и культур, что позволяет говорить о создании символистами Серебряного века общей для них мифологемы об Атлантиде. В частности, Атлантида символистов – это высокоцивилизованная империя с далеко отстоявшими от нее колониями, которые еще некоторое время сохраняли наследие культуры атлантов и после гибели самой Атлантиды, привнося атлантическую мудрость и знания на различные территории. Поскольку эпоха античности сохранила эту мудрость в своих мистериях и символах, теургическая и «гиперборейская» практика символизма, включающая некое «теоретически обоснованное визионерство» – «поэтический гнозис» платоновского *анамнезиса* как «припоминания души» художника, – по убеждению символистов, могла позволить через постижение этих символов реконструировать путь тайных знаний Атлантиды. Эти знания через эгейскую и египетскую культуры перешли в греческие мистерии и далее – через Александрию начала н.э. – «катакомбно» продолжались в мистических учениях и традициях тайных орденов до нашего времени (т. нз. «Александрийская мифологема» символизма⁴⁴), а также сохранились в мифах и культовой практике ряда аф-

44 «Александриею прорастает Греция в Иудею: Египет бросается в Грецию. <...> Александрия представилась. Ее дух – не угас» [Белый, 1918, с. 181, 189]. Последователи Вл. Соловьева, младосимволисты рассматривали наблюдаемый ими кризис европейской цивилизации как давно предсказанный Иоахимом Флорским и раскрытый в софийной историософии Вл. Соловьева закономерный этап теургической истории человечества, в связи с чем сознательно обращались к кризисному опыту первых веков н. э., выбирая дихотомию Рим / Александрия в качестве исторической аналогии своей современности. Таким образом, александрийскую мифологему символистов характеризует взаимоуподобление кризисов в их надрациональном тождестве: видение структурной схожести кризисного времени их современности с раннехристианской Александрией и сознательное заимствование в творчестве «александрийских» мифологических и религиозно-философских мотивов, в том числе софийных гностических, герметических и др., для описания кризисной современности. Подробнее см.: [Рычков, 2009].

риканских и американских племен. Внимание символистов к восточным эзотерическим терминам и понятиям приобретает, таким образом, новые коннотации. Восток, как источник эзотерической мудрости, сам оказывается лишь промежуточным звеном преемственности «вечной философии». О том, что исток эзотерической общности Востока и Запада – в Атлантиде, А. Белый прямо пишет в статье «Восток или Запад»: «Геология дает право нам думать об исчезнувшем континенте меж Америкой и Европой, о мифической Атлантиде; в ней – начало “западов” и “востоков”» [Белый, 1918, с. 166]. Переключаясь представления восточной и западной эзотерической традиции, на которые обратила особое внимание Е.П. Блаватская, приобретают, в этой связи, атлантический пра-текст. Общая для Востока и Запада метаисторическая культура Атлантиды прорастает и в эзотерической современности: «В вас семя Атлантиды дало росток» (М. Волошин «Lutetia parisiorum»). Так *Атлантическая мифологема* символизма, в рамках *philosophia perennis*, оказывается для символистов критерием синтеза западной и восточной эзотерической традиций, что соотносимо со всей историей западного эзотеризма. Ее видный исследователь Х. Богдан пишет во введении к недавней книге «Occultism in a Global Perspective»: «Если мы посмотрим на эзотерические дискурсы на протяжении всей истории, то увидим, что идея иностранного, чуждого и далекого в пространстве и / или времени источника эзотерической мудрости была развита эзотеристами Ренессанса, но уже Платон относил ее происхождение за пределы Греции. Египет был воображаемым местом происхождения эзотерической мудрости в течение долгого времени, а когда стал слишком хорошо знаком – эта роль была передана Индии. Процесс идет и ныне, что особенно заметно в оккультных представлениях о потерянных континентах, таких как Атлантида и Лемурия, инопланетянах и дохристианском европейском язычестве, представляющем вечную философию. Идея далекого мистического “Востока” является ключевым элементом в эзотерическом и оккультном дискурсах, и можно утверждать, что термины “западный” и “восточный” (или “незападный”) являются более актуальными для инсайдерской эзотерической риторики, чем для научного дискурса» [Bogdan, 2013, p. 7].

Попытка соотнести себя в традициях *prisca theologia* и *philosophia perennis* с порождающим символы гиперборейско-атлантическим периодом становления современной мировой истории становится одним из источников самоидентификации символистов. Таким образом, атлантическая мифологема также включила в себя легенды о Гиперборее как исторической прародине всего человечества (Эдема Адама), предшествовавшей своей преемнице Атлантиде, либо идентифицировавшейся с нею. *Атлантическая (гиперборейская)* и *александрійская* мифологемы русского

символизма отражают различные культурфилософские ракурсы мировоззренческой модели *prisca theologia*, оформившейся в Европе после трудов Марсилио Фичино и подразумевавшей непрерывную традицию древней мудрости, а также постепенный упадок изначального состояния духовного человека. Атлантида и Гиперборея в культурософской логике символистов оказываются, таким образом, «внегеографическими» элементами «золотой цепи» непрерывной духовной истории человечества. И, следовательно, их сохранившиеся в символах мистериальные основания могут быть «припомнены» и восстановлены символистом в творческом платоновском анамнезисе, что легло в основу образа гиперборейской лебединой памяти в творчестве Вяч. Иванова и – более широко – «общецеховых» взглядов на важную роль обращения символистов к мифологическому метанарративу ранних «постатлантических» культур для выявления в них общих и архетипических знаковых структур с целью их включения в сами основания творчества и культурную семиосферу русского символизма. В кратко описанных нами александрийской и связанной с нею гиперборейско-атлантической мифологемах русские символисты с особенной яркостью проявляют себя наследниками романтизма и преемниками традиций платонического ориентализма герметических течений западного эзотеризма⁴⁵.

В 2015 году писатель Марк Адамс издал нашумевшую книгу «Meet Me in Atlantis: My Obsessive Quest to Find the Sunken City» [Adams, 2015], где задался вопросом: почему целая глобальная субкультура любительских исследователей одержима «вирусом» поисков Атлантиды? Вероятно, мы можем предложить ответ на этот вопрос для русского символизма. Вера в Атлантиду была частью его «про-традиционалистской» историософии, которая базировалась на традициях *philosophia perennis*, развитых, в частности, в трудах французских представителей оккультной философии истории XIX века. Преемственность эзотерической традиции предполагает существование общей для человечества пракультуры, которой и оказывается «страна тайных знаний» – Атлантида. В этом ракурсе Египет воспринимался многими символистами как самая древняя колония Атлантиды. Впоследствии впитанная эллинской Александрией, египетская культура оказывается истинным отражением Атлантиды и была сохранена в Египте, как и в Перу, Мексике, других странах. В свою очередь, по убеждению ряда младосимволистов, импульс культуры откровенного знания, гнозиса, произошедший из александрийского «котла верований» начала н.э. и «катакомбно» продолжавшийся «под спудом» европейской цивилизации, находил свое завершение в эпоху кризиса этой цивилизации, т.е. в начале XX

45 Подробнее о мировоззренческой модели *prisca theologia* западного эзотеризма см.: [Ханegraаф, 2016, с. 64–66, 194].

века. Это соответствовало наследованной младосимволистами эсхатологической историософии позднего Вл. Соловьева, перенесшей в современность тринитарное учение Иоахима Флорского о грядущей эпохе Св. Духа, олицетворяемой Софией. Мифологема о наследовании (в том числе и через символизм «александрийского импульса») памяти об Атлантиде от одной кризисной эпохи к другой оказывается одновременно и примером традиционалистского восприятия «золотой цепи» преемственности в «духовной истории» человечества, и примером реставрации иоакимитского хилиазма в эсхатологическую историософию русских символистов. Атлантида, таким образом, становится важным для историософии символизма элементом духовной истории человечества, но отнюдь не самодостаточным. Если бы не было основанной на *philosophia perennis* убежденности в духовной преемственности от Атлантиды, не было восприятия ее как части своего *личного* духовного прошлого, то Атлантида утратила бы у символистов особый интерес, став лишь одним из катастрофических символов-предупреждений для их эпохи, уроком для современного человечества. Эти представления отражены в двух стихотворениях В. Брюсова из цикла «Сны человечества», написанных в 1917 году, «Город вод» и «Отзвуки Атлантиды (Женщины лабиринта)», фрагменты которых иллюстрируют сказанное:

*Был – золотой Атлантиды
Остров таинственно-властный,
Ставивший вехи в веках:
Символы числ, пирамиды, –
В Мексике жгуче-прекрасной,
В нильских бесплодных песках.*

*Вы связаны все не случайно
В единую духом семью!
Поймите же общность свою,
Вы, индусы, греки, славяне,
Романцы, туранцы, армяне,
Семиты и все племена!
Мы бросили вам семена.
Когда ж всколосится посев Атлантиды?
Мы ждем. Пирамиды!*

ЛИТЕРАТУРА

Adams, 2015 – Adams M. Meet Me in Atlantis: My Obsessive Quest to Find the Sunken City. Dutton, 2015.

Bogdan, 2013 – Bogdan H. & G. Djurdjevic (eds.). Occultism in a Global Perspective. Bristol, CT and Durham, UK: Acumen Publishing, 2013.

Evans, 1909 – Evans A.J. Scripta minoa: the written documents of minoan Crete with special reference to the archives of Knossos (Band 1): The hieroglyphic and primitive linear classes. Oxford, 1909.

Godwin, 2011 – Godwin J. Atlantis and the Cycles of Time: Prophecies, Traditions, and Occult Revelations. Rochester, VT. Inner Traditions, 2011.

Hanegraaff, 1996 – Hanegraaff W.J. New Age religion and western culture: esotericism in the mirror of secular thought. Leiden: Brill, 1996.

Schuré, 1912 – Schuré E. L'évolution divine du sphinx au Christ. Paris, Perrin et cie, 1912.

Scott-Elliot, 1901 – Scott-Elliot W. L'histoire de l'Atlantide. Esquisse géographique, historique et ethnologique illustrée de 4 cartes coloriées. Paris, Publications théosophiques, 1901.

Seidel-Dreffke, 1998 – Seidel-Dreffke B. A. Belyj und die Theosophie E.P. Blavatskajas. Wirkung und polemische Auseinandersetzung im Roman "Moskva" (1926), In: Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1998. Band 44. [URL:] <http://seideldreffke.blogspot.ru/2011/12/belyj-und-die-theosophie-e-p.html> (дата обращения: 10.01.2017).

Steiner, 1914 – Steiner R. La science occulte / Traduit de l'Allemand, avec l'autorisation de l'auteur. par Jules Sauerwein: D'après la quatrième édition. Paris: Perrin et Cie, 1914.

Steiner, 1923 – Steiner R. Atlantis and Lemuria. London. Antroposophical Publishing House 46, Gloucester Place, W.1, 1923

Webb, 1974 – Webb J. The Occult Underground. La Salle, Ill.: Open Court, 1974.

Ziffer, 1994 – Ziffer G. Il poeta e il grammatico: Un biglietto inedito di Ferdinand de Saussure fra le carte di Vjačeslav Ivanov // Russica romana. Roma, 1994. V. I. P. 189–191.

Алкей и Сафо, 1914 – Алкей и Сафо. Песни и лирические отрывки / Перевод Вяч. Иванова. М.: Издание Сабашниковых, 1914.

Андрущенко, 2007 – Андрущенко Е.А. Пророческая книга // Мережковский Д. С. Тайна Запада. Атлантида – Европа. М., 2007. С. 5–12.

Бальмонт, 1908 – Бальмонт К. Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних. Египет, Мексика, Майя, Перу, Халдея, Ассирия, Индия, Ирак, Китай, Океания, Скандинавия, Эллада, Бретань. СПб: Пантеон, 1908.

Бальмонт, 1910 – Бальмонт К. Змеиные цветы. М., 1910.

Бальмонт, 2010 – Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. М., 2010. Т. 6.

Белый, 1918 – Белый А. Восток или Запад // Эпоха. Кн. 1. М., 1918.

Белый, 1990а – Белый А. Начало века. Воспоминания. М., Худ. лит., 1990.

Белый, 1990б – Белый А. Между двух революций. М.: Худ. лит., 1990.

Белый, 1994а – Белый А. Африканский дневник / Публ. текста С. Воронина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Рос. Архив, 1994. Т. 1. С. 330–454.

Белый, 1994б – Белый А. Эмблематика смысла // Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994.

Белый, 2010 – Белый А. Символизм. Книга статей. М., 2010.

Богомолов, 1999 – Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999.

Брюсов, 1974 – Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М.: Худ. лит., 1974. Т. 3.

Брюсов, 1975 – Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М.: Худ. лит., 1975. Т. 7.

Брюсов, 1993 – Брюсов В. Земля. Сцены будущих времен // Брюсов В. Огненный ангел. Роман. Повести. Рассказы / Сост. и прим. Н. Климова. СПб., 1993.

Вальтер, 1911а – Вальтер Иоганн. История земли и жизни. С.-Пб: П.П. Сойкин, 1911.

Вальтер, 1911б – Вальтер Иоганн. История Земли и жизни. Законы образования пустынь. Перевод, ред. Ф.Ю. Левинсона-Лессинга. С.-Пб: Брокгауз-Ефрон, 1911. В 2-х ч.

Волошин, 1909 – Волошин М. Архаизм в русской живописи (Перих, Богаевский, Бакст) // Аполлон. 1909. № 1. С. 43–53 [URL:] <http://gondolier.ru/apollon/apollon1909-1.html> (дата обращения: 10.01.2017).

Волошин, 2003 – Волошин М. Собр. соч. Т. 6, Кн. 1. М.: Эллис Лак, 2003.

Волошин, 2007 – Волошин М. Собр. соч. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2007.

Воронин, 2011 – Воронин А.А. Брюсов: посев Атлантиды. Некоторые атлантологические комментарии к жизни и творчеству поэта // Брюсовские чтения 2010 года. Сборник статей / ЕГЛУ. Ереван: Лингва, 2011. [URL:] <http://lah.ru/text/voronin/brusov.htm> (дата обращения: 10.01.2017).

Гендель, 1994 – Гендель Макс. Космогоническая концепция розенкрейцеров. Основной курс по прошлой эволюции человека, его нынешней конституции и будущему развитию. Перевод с оригинального английского издания 1911 года. СПб., 1994. Т.2.

Иванов, 1979 – Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4-х тт. Брюссель, 1979. Т. 3.

Иванов, 1987 – Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4-х тт. Брюссель, 1987. Т. 4.

Крайко, 2006 – Крайко Ю.В. Античный миф об Атланте и Атлантиде: опыт фольклористического рассмотрения: автореферат канд. дис. М., 2006. 25 с.

Ларцев, 1964 – Ларцев В.Г. В. Брюсов об Атлантиде // Труды Самарканд. Гос. Ун-та М. А. Навои. Вып. 153. Вопросы истории и теории литературы. Самарканд, 1964. С. 223–235.

ЛН 98:1 – Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2-х книгах (Литературное наследство, т. 98). М.: Наука, 1991. Кн. 1.

Мережковский, 1992 – Мережковский Д.С. Атлантида – Европа. Тайна Запада. М., 1992.

Нефедьев, 2003 – Нефедьев Г.В. К подтексту стихотворения Вяч. Иванова «Атлантида» // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы междунар. науч. конф. 9–11 сент. 2002 г. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 227–232.

Нефедьев, 2005 – Нефедьев Г.В. «Сон об Атланте»: к подтексту мотива провокации в романах Андрея Белого «Петербург» и «Москва» // *Russian Literature*. 2005. Т. LVIII. С. 195–204.

Нефедьев, 2010 – Нефедьев Г.В. Атлантида в трудах и днях В.Я. Брюсова // Античность и культура Серебряного века: к 85-летию А.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 212–218.

Нешумова, 2007 – Нешумова Т.Ф. Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д.С. Усов, Е.Я. Архиппов // *Toronto Slavic Quarterly* 2007. № 20 Spring.

Осьминина, 2009 – Осьминина Е.А. «Атлантические» мотивы в творчестве Д.С. Мережковского // *Русская речь*. 2009. № 4. С. 22–25.

Осьминина, 2010 – Осьминина Е.А. Образы мировой культуры в прозе Д.С. Мережковского: автореферат дис.... доктора филологических наук. М., 2010.

Переписка, 1998 – Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998.

Пиндар 1980 – Пиндар. Вакхилид. М., 1980.

Покачалов, 2000 – Покачалов М.В. Пророчество и предостережение позднего Мережковского: «Атлантида – Европа: Тайна Запада» // Восток – Запад. Диалог культур и цивилизаций. М., 2000. С. 130–131.

Полонский 2008 – Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX в. М., 2008.

Почепцов, 1998 – Почепцов Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года. М.: Лабиринт, 1998.

Рихтер, 1975 – Рихтер Н. В семье Брюсовых // Брюсовский сб. Ставрополь: Ставроп. пед. ин-т, 1975.

Розанов 1901 – Розанов В. Атлантида – была // Новый журнал иностранной литературы 1901. № 9 С. 199–203.

Рычков, 2009 – Рычков А.Л. Александрийская мифологема у русских младосимволистов // Пути Гермеса: труды. междунар. симпозиума в ВГ-БИЛ. М., 2009. С. 108–166.

Рычков, 2010 – Рычков А.Л. Д.С. Мережковский и К.Г. Юнг: «встреча во гнозисе»: Свидетельство Э.К. Метнера // Судьбы литературы Серебряного века и российского Зарубежья: Традиции и трансформации. СПб., 2010. С. 491–511.

Рычков, 2011 – Рычков А.Л. Доклад А. Блока о русском символизме 1910 года как развитие «мысли о Софии» Вл. Соловьева // Шахматовский вестник. Вып. 12. М., 2011. С. 207–231.

Рычков, 2013 – Рычков А.Л. Рецепция гностических идей в русской литературе начала XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4. С. 223–246.

Рычков 2017 – Рычков А.Л. Исторический и религиозный фон драмы «Роза и Крест» в университетском круге общения и чтения А. Блока // Шахматовский вестник. Вып. 14. Александр Блок. «Роза и Крест»: исследования и интерпретации. М., 2017 (в печати).

Скотт-Эллиот, 1916 – Скотт-Эллиот В. История Атлантиды / Перевод Н. Дмитриевой // Вестник теософии. СПб, 1916. №№ 9, С. 71–82; 10, С. 65–74; 11–12, С. 102–146.

Слинько, 2006 – Слинько М.А. Миф об Атлантиде в интерпретации Д. Мережковского и В. Брюсова: Проблемы войны и мира // Филологические записки. 2006. Вып. 25. С. 241–245.

Солнцева, 1999 – Солнцева Е.Г. Сюжет об Атлантиде в творчестве Д.С. Мережковского // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 1999. № 4. С. 33–36.

Тиме, 1999 – Тиме Г.А. Две «Атлантиды»: Г. Гауптман и Д. Мережковский: непреднамеренный диалог // Русская литература. 1999. № 1. С. 111–134.

Титаренко, 2012 – Титаренко С.Д. Понятие архетипа и символов трансформации в русском символизме и эзотерической традиции: Вяч. Иванов – Э.К. Метнер – К. Г. Юнг // Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. С. 476–494.

Флоренский, 1994 – Флоренский П.А., свящ. Сочинения. В 4 т. Т 2. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М.: Мысль, 1994.

Ханеграаф, 2016 – Ханеграаф Воутер Я. Западный эзотеризм: Путеводитель для запутавшихся / Науч. ред. и авт. послесл. А.Л. Рычков. Пер. с англ. Е. Зоря. М.: Центр книги Рудомино, 2016.

Хлебников, 1986 – Хлебников В. Творения. М., Сов. писатель, 1986.

Цыбин, 1992 – Цыбин В. Атлантида – на заклании истории // Мережковский Д.С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. М., 1992. С. 3–10.

Шишкин, 1996 – Шишкин А. «Певец у суфитов» (по рукописям Римского архива) // Studia Slavica Hung. 1996. 41. P. 291–309.

Штейнер, 1914 – Штейнер Р. Из летописи мира (Aus der Akasha-Chronik). Разрешенный автором перевод. М.: Духовное знание, 1914.